

Сергей Юрьевич Борисов
(под псевдонимом Артура Конан Дойля)

Смерть русского помещика

Разбираясь как-то в своем архиве, просматривая дневники, которые вел все годы моего знакомства и, осмелюсь утверждать, дружбы с мистером Шерлоком Холмсом, я наткнулся на несколько страничек, живописующих наш разговор одним далеким ноябрьским вечером. Выцветшие строки, бегущие по пожелтевшим листкам, вернули меня в тот промозглый ненастный день, когда мы с Холмсом сидели перед пылающим камином, а за окном в извечном лондонском тумане тонули газовые фонари Бейкер-стрит.

Это был один из тех дней, когда перед Холмсом не стояла задача, решая которую он мог применить свой знаменитый дедуктивный метод, его мозг простаивал, изнывал, лишенный необходимой пищи, и я со страхом ожидал той минуты, когда рука Холмса протянется к несессеру, в котором он держал шприц и морфий. Однако, поглядывая время от времени на моего приятеля, я не замечал ничего, что свидетельствовало бы о том, что он собирается прибегнуть к этому страшному средству, и я с самонадеянностью думал, что, вероятно, на него-таки подействовали мои увещевания. Откинувшись на спинку кресла, закрыв глаза, Холмс небрежно водил смычком по струнам лежащей на коленях скрипки, извлекая из нее грустные, протяжные звуки.

Успокоенный, я возвращался к книге, которую читал весь этот бесконечный день. Наконец я перевернул последнюю страницу, закрыл книгу и с грустью провел ладонью по золотому тиснению обложки. Талант автора покорила меня. Чувства настолько переполняли меня, что я встал и отошел к окну. Скрестив руки на груди, я следил за немногочисленными прохожими.

— Какая загадочная книга! — не сдержался я. И тут я услышал спокойный голос Холмса:

— Книга неплоха, но не без недостатков.

— Вы читали «Братьев Карамазовых»?

Я был поражен. Читатели, знакомые с моими рассказами о Шерлоке Холмсе, осведомлены о том, что этот ни на кого не похожий человек, обладающий огромными знаниями в весьма специфических областях, тем не менее был невеждой во всем, что касалось литературы и философии.

— Дорогой Уотсон, — сказал Холмс. — Я не изменил своим принципам и по-прежнему считаю, что неразумно забивать мозговой чердак рухлядью, которая только занимает место и бесполезна в моей работе.

— Так что же побудило вас прочитать эту книгу? — недоуменно спросил я, опускаясь в кресло.

— Две причины. Во-первых, как всякий англичанин, я сентиментален, воспоминания детства накрепко сидят во мне, и я не желаю с ним расставаться. Дело в том, что мой отец, человек передовых взглядов, дружил с Герценом, известным русским революционером и писателем. Посещая его, он иногда брал с собой меня и моего старшего брата Майкрофта. В один из таких визитов мы застали в этом гостеприимном доме Достоевского, будущего автора этой книги *.

* Летом 1862 года Достоевский выехал за границу, побывал в Лондоне, где посетил Герцена. — *Прим. пер.*

— А во-вторых?

— Во-вторых, эта книга о преступлении, хотя я догадываюсь, что не только о нем.

— Но это же вымысел! — воскликнул я. Холмс отложил смычок, набил трубку, закурил и, окутавшись клубами дыма, сказал:

— Для меня это было не так важно. Хотя, должен заметить, меня не покидают подозрения, что в основе сюжета лежит реально совершенное преступление*.

— В конце концов это не принципиально, — раздраженно сказал я. — Сюжет для автора столь серьезного произведения — лишь средство наиболее полно донести до читателя свои мысли. Насколько тщательно продуман сюжет, настолько облегчается задача писателя.

— Совершенно с вами согласен. Но именно в сюжете я вижу изъяны, которые дают мне право говорить, что книга не лишена недостатков.

— Вы можете обосновать свое утверждение? — с подозрением спросил я.

— Конечно, Уотсон, конечно! — засмеялся Холмс. — Ответьте хотя бы на вопрос: кто убийца?

Я пожал плечами, удивленный нелепостью вопроса:

— Лакей. Смердяков. Боже, как трудны для произношения русские фамилии...

— Насчет фамилий я с вами согласен, для меня они тоже представляют определенную сложность. Но что касается лакея, я не был бы так категоричен.

— То есть как?!

— А почему вы считаете, что убил Смердяков? — невозмутимо спросил Холмс.

— Он сам рассказал об этом старшему из братьев, Ивану.

— Правильно. Сам рассказал. Иначе бы откуда вы об этом узнали, ведь автор описывает сцену убийства его словами. Полноте, Уотсон, вы же врач, у вас не появились сомнения, вы сразу же поверили этому признанию?

Я оторопело смотрел на Холмса, не в силах вымолвить ни слова. Между тем Шерлок Холмс продолжал, с видимым удовольствием попыхивая трубкой:

— Смердяков — больной человек, психика его расстроена. Тому свидетельство само его происхождение от сумасшедшей Лизаветы Смердяковой и Федора Павловича, который тоже не отличался тихим нравом, будучи раздражительным, взбалмошным, нетерпимым. Смердяков — типичный эпилептик, организм которого, и прежде всего мозг, измучен припадками. Пусть он не падал в погреб, пусть симулировал припадок, это ничего не меняет и не является подтверждением истинности его слов. На следующее утро его скрутило так, что он оказался в больнице и провел два дня в беспомощности. И вы, Уотсон, думаете, что я поверю в признание этого человека?

Видя мое замешательство, Холмс улыбнулся:

— Вы можете сказать, что настоящий припадок у Смердякова начался утром, то есть после убийства Федора Павловича, а до того, следовательно, он находился в здравом уме, из чего можно заключить, что он говорит правду. Но разве вы не знаете, что нередки случаи частичного помутнения рассудка за два, три, четыре часа до собственно припадка?..

— Выходит, он оговорил себя?

— Нет! Он сказал правду, но ту правду, в которую верил сам. На самом же деле он лишь внушил себе, что убил он, внушил, находясь под сильнейшим воздействием слов Ивана Карамазова, произнесенных в их разговоре у калитки. Смердяков хотел убить, готовил преступление, он столько раз совершал его мысленно, что когда волею

* В «Записках мертвого дома» (1860—1862) Достоевский рассказывает о встреченном им в омском остроге Дмитрие Ильинском, несправедливо обвиненном и осужденном за отцеубийство, которое, как выяснилось много лет спустя, совершил его младший брат. Исследователи творчества Ф. М. Достоевского утверждают, что Дмитрий Ильинский послужил прототипом Дмитрия Карамазова. — *Прим. пер.*

обстоятельств был вычеркнут из им же созданной схемы, то горячее сознание восстало против иного хода событий.

Голос Шерлока Холмса действовал на меня гипнотически.

— Видимо, все происходило следующим образом, — не торопясь говорил Холмс. — Смердяков слышит крик Федора Павловича, а потом и вопль Григория. Выждав некоторое время, он выходит в сад, видит открытую дверь, входит. Перед ним на полу окровавленный труп Карамазова-старшего. Смердяков подходит к иконостасу, забирает конверт, вынимает из него 3000 рублей, пустой конверт бросает на пол, дабы отвести подозрения от себя и бросить тень на Дмитрия, и уходит в полной уверенности, что это он убил. Ведь все так точно совпало с тем, что ему десятки и сотни раз мерещилось.

Несколько минут мы сидели молча, пока я не рассмеялся:

— Нет, Холмс! Ваши слова — гипотеза, которая составила бы честь писателю, психиатру. Но вы же признаете только факты! А их как раз у вас и нет!

— Чем был убит Федор Павлович? — неожиданно резко спросил Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне.

— Пестиком, — пролепетал я, озадаченный вопросом.

— Разве?

Я потянулся за книгой, но Холмс движением руки остановил меня:

— Не трудитесь. Я вам напомним. Смердяков говорит: «Я тут схватил это самое пресс-папье чугунное, на столе у них, помните-с, фунта три ведь в нем будет, размахнулся да сзади его в самое темя углом». Углом, Уотсон! Так почему же на суде фигурировал пестик? Да потому, что удары были действительно нанесены им! И тут вы, возможно, сами того не желая, оказались правы. Пестик! Вот факт, на котором базируются мои рассуждения. Даже если бы ошиблись медики, осматривавшие тело Федора Павловича Карамазова, даже если бы они не обратили внимание на то, что ранения имеют совершенно иные характерные особенности, чем при ударе достаточно длинным округлым предметом, то суд присяжных, в те времена только-только введенный в России *, не упустил бы этой детали и исправил бы оплошность. Но если Карамазов-старший был убит пестиком, а не пресс-папье, как утверждал Смердяков, то и убийца другой. Это очевидно, Уотсон! Кстати, лакей утверждал, что вытер пресс-папье и поставил его на место. Да будет вам известно, что уничтожить следы крови отнюдь не так просто, как думают некоторые, а потому любой человек, вооруженный увеличительным стеклом, сразу понял бы, в чем дело.

Я был просто обескуражен доводами Холмса, я был раздавлен ими. А он между тем все так же методично ронял слово за словом.

— Вспомните последний разговор Смердякова с Иваном Карамазовым. Смердяков находится в состоянии крайнего возбуждения, он балансирует над бездной, имя которой — безумие. Не логично ли в таком случае допустить, что его мучают сомнения, что остатки разума протестуют против утверждения «Я убил!». И самоубийство Смердякова — это не раскаяние, не крушение надежд, это невозможность сосуществования в одном человеке двух полярных, взаимоисключающих Я: Я — убийца и Я — не убийца. Измученное сознание лакея не выдерживает этой раздвоенности. Своим самоубийством Смердяков лишает суд не обвиняемого, но свидетеля, так как нет гарантии, что не найдется человек, который, выслушав его путаный бред, сможет разобраться в истинном течении событий. Другое дело, принял ли суд во внимание показания Смердякова? Ведь, что ни говори, а Смердяков психически больной человек, то есть человек с ограниченной ответственностью. Думаю, что не принял.

* Суд присяжных был введен в России по судебной реформе 1864 года. Действие романа происходит летом и осенью 1866 года. — Прим. пер.

Я слушал Холмса, а на языке уже вертелся вопрос. Когда Холмс умолк, я вскричал в возбуждении:

— Но кто же тогда убийца?

— Римляне вопрошали: «Кому это выгодно?» Послушаемся их и определим побудительный мотив. Очевидно, что мотив этот — деньги. В сущности, в романе фигурируют две суммы, каждая из которых могла стать потенциальной причиной смерти Федора Карамазова: 3 000 рублей, предназначенные Федором Павловичем Грушеньке, и 120 000 рублей — наследство, которое в случае смерти отца получают братья Карамазовы. 3 000 рублей. Кого они могли заинтересовать? Смердякова. Эта сумма вкупе с теми деньгами, которые он надеялся получить от Ивана Карамазова, должна была дать ему возможность уехать в Париж. Иначе говоря, обладая этими деньгами, он мог реализовать свою мечту. Но Смердяков не убивал, не так ли?

Я согласно кивнул головой. Холмс не заметил этого, было видно, что он сам увлекся своими рассуждениями.

— Кто еще? — спросил он и сам же ответил: — Дмитрий, средний брат. Ему эти три тысячи были необходимы, чтобы погасить часть своего долга Катерине Ивановне и тем самым обрести уверенность, что он еще не совсем пропащий человек. Однако, и мы это можем смело утверждать, Дмитрий отца не убивал. Повествование о действиях Мити той ночью ведет автор, а ему мы обязаны верить. Итак, делаем вывод: 3 000 рублей не являются причиной убийства.

— Наследство, — прошептал я.

— Да, наследство! — торжественно произнес Холмс. — 120 000 рублей, огромные деньги. Кто наследует состояние Федора Павловича? Иван, Дмитрий, Алеша. Братья Карамазовы. Дмитрий не убивал, это мы уже выяснили. Остаются Иван и Алеша. Алеша и Иван. Кто из них?

Холмс оторвал глаза от пляшущих в камине язычков пламени и посмотрел на меня. Мне стало жутко.

— Так кто же из них? — повторил он, выдержал паузу и сказал: — Хорошо. Проанализируем действия двух кандидатов в отцеубийцы. Иван. Мог ли он совершить убийство? Мог. Правда, он говорит Смердякову, что уезжает в Чермашню, тем самым развязывая тому руки, давая, в сущности, согласие на убийство отца. Именно так трактует Смердяков слова Ивана, именно так и было в действительности. Уезжать-то Иван уезжает, но пребывает ли там неотлучно все время? Указания на это, кроме его собственных слов, в романе нет. Почему не допустить, если предположить противоположное, что каждую ночь Иван навдывается в сад отца, чтобы воочию убедиться, что Смердяков приведет в исполнение то, что он, Иван, внушил лакею? Да, такое допущение возможно. Как развиваются в таком случае события?.. Иван видит Дмитрия, видит, как тот бьет по голове Григория и... убегает. В комнате мечется Федор Павлович. Смердякова нет. План Ивана рушится, и он решает воспользоваться удобным случаем. Он проникает в дом и убивает отца. В последнее мгновение успев скрыться в саду, он видит Смердякова, понимает, что тот не в себе, наблюдает за его поведением в доме — это ему позволяет настезь открытое окно, — решает тяжесть преступления переложить либо на его плечи, либо на плечи Дмитрия. На чьи именно, покажет будущее, но, разумеется, Иван, с его аналитическим умом, предпочел бы видеть на скамье подсудимых брата, нежели лакея: брат, будучи осужден, лишится права на наследство, и тем самым доля Ивана возрастет на 20 000 рублей. Именно поэтому даже во время разговора со Смердяковым, их последнего разговора, в котором Смердяков признается в убийстве Федора Павловича, Иван не хочет верить его словам — 20 000 ускользают из его рук.

— Убийца он! — воскликнул я.

— Вы, как всегда, торопитесь с выводами, Уотсон, — невозмутимо заметил Холмс. — При внешней цельности, логичности нарисованная мною картина не выдерживает никакой критики. вспомните: Иван, говоря об убийстве, прежде всего решал идею в принципе, идею права на убийство, идею целесообразности уничтожения зла, которое олицетворяет для него Федор Павлович Карамазов, его отец. Конечно, мы понимаем, что разговором у калитки Иван не только наводил Смердякова на мысль, но напрямую подталкивал того к убийству Карамазова-старшего, хотя, надо отметить, и не говорил прямо: «Пойди и убей!» Но именно этот приказ звучит в подтексте его слов. А потому Иван, если согласиться с тем, что убил Смердяков, является истинным виновником преступления. Но Смердяков не убивал. Возникает вопрос: «Мог ли убить Иван?» Действительно, мог ли он перейти, так сказать, от слов к делу? Выше я уже ответил на этот вопрос, и ответил положительно. Но ответ мой опирался исключительно на географию и время, я имею в виду отъезд Ивана в Чермашню, и никоим образом не затрагивал психологический аспект. Не забывайте, Иван человек трезво-мыслящий, лихорадочное возбуждение, которое в конце концов приводит его к безумию, настигает старшего из братьев уже после смерти отца. Мог ли такой человек поднять брошенный Дмитрием пестик и хладнокровно размозжить череп родному отцу? Мог ли, понимая, что если ему не удастся ввести в заблуждение следствие, то двадцать лет каторги ему обеспечено? Сомнительно, Уотсон, сомнительно! Не мне вам говорить, какой глубины пропасть разделяет слово и поступок. К тому же, опираясь на собственный опыт в расследовании преступлений, должен заметить, что человек, без конца рассуждающий об убийстве, как правило, никого не убивает; напротив, человек, планирующий убийство, не говорит о нем на каждом углу — он не может не понимать, что в таком случае подозрения падут прежде всего на него самого. Это, кстати, подтверждает тот факт, что чиновник Перхотин, расследующий убийство, сразу же главным подозреваемым делает Дмитрия, который был весьма несдержан в изъяснении своих чувств к отцу. Но угрозы Дмитрия, как и теоретические рассуждения Ивана, не свидетельствуют об их вине, как раз наоборот, они доказывают их невиновность. И последнее. вспомните, Уотсон, действия Ивана после возвращения в Ското-при-го-ньевск. Чорт побери! — не выдержал Холмс. — Названия городов у русских так же труднопроизносимы, как их фамилии. Однако я отвлекся... Итак, вспомните действия Ивана, подчеркиваю, действия, а не слова, в правдивости которых при желании можно усомниться. Его визиты к Катерине Ивановне, первый и второй приход к Смердякову, короткий разговор с Алешей — все это доказывает, что он не только не убивал отца, но убежден, что убил Дмитрий. Помимо прочего, и авторский голос Достоевского уверяет нас в этом. А теперь резюме: как и Смердяков, Иван мысленно убивал отца, и не раз, но Иван невиновен, хотя, поверив лакею, приходит к осознанию своей вины и перед отцом, и, в большей степени, перед безвинно арестованным Дмитрием; как результат, железный характер Ивана ломается, и рассудок его погружается во мрак помешательства. «Прощайте, прежний смелый человек!» — вот последние слова Смердякова, адресуемые Ивану.

Холмс замолчал. Меня колотил озноб. Я сказал, запинаясь:

— Но тогда... Но это невозможно! Вы отдаете себе отчет в этом?!

— Почему? — Шерлок Холмс коротко взглянул на меня и тут же отвел глаза. — Помилуйте, Уотсон, почему вы так уверены в невиновности Алеши?

— Алеша — средоточие всего лучшего, что есть в людях. — Я был так возмущен диким, кошмарным предположением Холмса, хуже того, его уверенностью и его спокойствием, что не посчитал нужным скрывать своего отношения к его словам. — Я, как и вы, Холмс, принадлежу к английской церкви, а потому мне чуждо учение гуманного православия, противостоящее закоренелости православия официального, однако

младший Карамазов как носитель этого учения мне импонирует. Более того, многое, что говорит Алеша, созвучно моим мыслям и убеждениям. Какой верой, каким сознанием собственной правоты проникнуты его слова у камня в эпилоге романа! Сколько доброты в его призыве к сгрудившимся вокруг него мальчикам? Какая кротость!

— И этой кротостью, этим смирением, — перебил меня Холмс, — продиктован его возглас: «Расстрелять!»

Я ошеломленно смотрел на Холмса и чувствовал, что задыхаюсь.

— Не забывайте об этом крике души, — продолжал Шерлок Холмс. — Когда Иван поведал младшему брату историю о мальчишке, затравленном собаками, тот ни секунды не колебался в определении наказания, отбросив в сторону свои религиозные воззрения.

— Любой на его месте сказал бы то же самое! — убежденно заявил я.

— Не думаю.

— Вы циник, Холмс.

— Я реалист, Уотсон. Алеша в вашем представлении человек, по сути, являющийся идеалом. И вы не желаете разрушать сложившийся образ, не желаете видеть в нем, в его поведении и словах каких бы то ни было изъянов. Но их вижу я. И допускаю, что, произнеся свой приговор, Алеша показал на мгновение свое истинное лицо, скрытое до поры под маской благочестия. Прав Алеша, правы вы, что поступок неведомого помещика заслуживает самой суровой кары. Но дело не в этом, Алеша мог — понимаете, Уотсон, мог! — вынести приговор человеку, даже если того правильнее назвать зверем.

Дорогой Уотсон, я убежден, что зло и добро равно существуют в человеке, находясь в постоянной непримиримой борьбе. И Алеша не исключение. Пока рядом был отец Зосима, в душе Алеши брало верх добро. Но почему не допустить, что слова Ивана о ненужности, вредности существования злых и порочных людей возымели на Алешу столь же разрушительное действие, что и на Смердякова? Почему не предположить, что, впитав в себя слова старшего брата, Алеша сделал тот шаг, разделяющий замысел и его исполнение, на который был не способен Иван? Вспомните, что пишет Достоевский о чувствах Алеши в ночь после смерти старца: «Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков». Не тогда ли, у гроба иеромонаха, единственного, кто в представлении Алеши воплощал добро и свет, принимает Карамазов-младший решение расквитаться с отцом за то зло, что он причинил людям.

Холмс опустил свою худую руку на гриф скрипки и тонкими, нервными пальцами принялся пощипывать струны.

— В случае смерти отца, — сказал Холмс, помолчав, — Алеша становился обладателем целого состояния. Нужны ли ему деньги? А почему — нет? Эти деньги он сможет потратить на претворение в жизнь заповедей отца Зосимы, например, заняться воспитанием и оплатить учебу того же Илюшеньки, семья которого влачит полунищенское существование, Коли Красоткина, Смурова, тех мальчиков, в которых он, да и Достоевский, видит будущее России. Так что, Уотсон, отдавая должное Алеше, надо признать, что он имел основания желать смерти своему отцу!

Где он находился в ту ночь, мы не знаем. А что, если в саду отца? Как и все, он знал об угрозах Дмитрия. Хотел ли он остановить брата? Вряд ли. Скорее, он хотел стать свидетелем свершения акта возмездия, как ему, по-видимому, представлялось убийство отца. Итак, Алеша в саду. Он видит Дмитрия, стоящего под окном с пестиком в руках. Появляется Григорий и падает наземь, сраженный ударом. Дмитрий бросает пестик и сломя голову бежит прочь. Алеша в растерянности. Очевидно, что

он не собирался убивать отца, надеясь, что Божья кара придет от руки среднего брата, но с бегством Дмитрия он становится перед выбором: стать самому орудием Божиим или оставить зло торжествующим. Он выбирает первое, к тому же он в относительной безопасности — Григорий жив и покажет на Дмитрия. Алеша убивает отца, который, конечно же, открывает младшему сыну дверь, потому что если и доверяет кому-нибудь помимо Смердякова, то только Алеше. Затем Алеша оставляет на тропинке окровавленный пестик и исчезает в темноте. Убийство совершено. Подозрения, как и предполагал Алеша, падают на Дмитрия. К чему же мы приходим? Алеша становится богатым, очень богатым человеком: Дмитрий лишается права на наследство, потому что арестован и осужден, доля Ивана тоже переходит Алеше, поскольку сумасшедшие, как вам, Уотсон, конечно, известно, лишаются права наследования — все 120 000 рублей достаются младшему из братьев! Жаль ли ему Ивана и Дмитрия? Едва ли. Если вдуматься, они вполне подпадают под категорию «ненужных, вредных» людей. Почему, вынеся приговор «Расстрелять!», Алеша должен быть менее принципиален по отношению к своим братьям, которые если и лучше негодея, обрекшего на ужасную смерть несчастного ребенка, то ненамного, являясь, по сути, людьми никчемными, суетными, лишенными цели и веры. Нет, ему не жаль их. А если поступки в месяцы, последовавшие за убийством, не более чем стремление отвести от себя возможные подозрения? Впрочем, причин для волнения у него нет. Вот как описывает его автор: «...он сбросил подрясник и носил теперь прекрасно сшитый сюртук, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это очень его скрасило, и смотрелся он совсем красавчиком. Миловидное лицо его имело всегда веселый вид, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная». Завидное спокойствие, не правда ли, Уотсон? Обратите внимание, поворот событий избавил его от лжи и от связанных с ней угрызений совести: он искренен, уверяя всех, что Дмитрий невиновен.

Холмс принялся раскуривать трубку.

Взял свою трубку и я. Крепкий «морской» табак не помог мне разобраться в переплетении фактов, предположений, догадок, которые обрушил на мою бедную голову Шерлок Холмс.

— Однако, истины ради, — вмешался в мои беспорядочные мысли голос Холмса, — надо признать, что многое в романе противоречит версии, что убийца — Алеша. Я мог бы привести ряд доказательств его невиновности, но ограничусь тем, что заверю вас в их серьезности, можно сказать, неопровержимости.

Я растерянно посмотрел на Холмса:

— Но кто же тогда убийца?

— Может быть, права госпожа Хохлакова, и убийство совершил Григорий.

— Но ему-то зачем?!

— Слуга, «маленький человек», что мы о нем знаем? Ущемленное чувство личности, попранное человеческое достоинство — все это могло породить в его душе ненависть к самодуру и хаму, каким был Карамазов-старший. Хотя, возможно, ничего этого и не было, но рана, нанесенная Дмитрием, лишила Григория рассудка, и, странным образом видоизменившись, боль, страх, гнев обратились против ничего не подозревающего Федора Павловича. Другими словами, убийство было немотивировано и совершено в состоянии аффекта. Не исключено, что именно так и было на самом деле. Кто знает...

Я ахнул.

— Так вы не знаете, кто убил?

— Разумеется, нет! — сказал Холмс и тут же добавил, лукаво прищурившись: — Зато это известно вам, Уотсон.

— Мне?!

— Конечно! На мой вопрос об убийце вы незамедлительно дали ответ — Смердяков. Я не вижу достаточно весомых причин, чтобы вы отказывались от первоначального мнения.

— Позвольте, Холмс, но вы же доказывали...

— Мой дорогой Уотсон, менее всего я стремился доказывать чью-то вину, я лишь хотел наглядно показать, что сюжет романа несовершенен, поскольку в ряде случаев нарушены причинно-следственные связи. И ничего больше! Теперь я понимаю, что напрасно сделал это, невольно поставив под сомнение достоинство романа, но, поверьте, я и в мыслях не держал этого! И обещаю вам, Уотсон, что постараюсь поскорее забыть эту, возможно, замечательную книгу, которая окончательно убедила меня, что я все-таки ничего не понимаю в литературе, и в будущем анализировать поступки живых людей, а не литературных персонажей. Однако вижу, что утомил вас. Ну что ж, предугадывая вашу просьбу, я сыграю «Песни» Мендельсона.

Холмс поднял скрипку, взмахнул смычком, и наша уютная квартира в доме № 221b по Бейкер-стрит наполнилась чарующими звуками музыки.